

(расстояние между максимумами крупных «горбов» рис.9 а).

4. Заключение

Приливные силы, действующие во Вселенной, оказывают большое влияние на формирование её облика. При участии этих сил была сформирована наша Солнечная система в том состоянии, в котором мы её наблюдаем сегодня.

Малые катастрофы, связанные с дроблением ядер комет, которые иногда удается зафиксировать, – это малая часть работы, которую производят приливные силы над более массивными объектами Солнечной системы, планетами. Земля не является исключением из этого правила. Человечество уже научилось использовать не-

значительную часть приливных сил в своих целях, преобразовывать её в электрическую энергию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фортон В.Е., Гнедин Ю.Н., Иванов М.Ф., Ивлев А.В., Клумов Б.А. Столкновение кометы Шумейкерова-Леви 9 с Юпитером: что мы увидели. // УФН. Т.166, №4. 1996. С. 391-422.
2. Шульман Л.М. Ядра комет. М.: Наука, 1987. 232с.
3. Глазков В.В. Компьютерное моделирование: Уч. пос. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2004. 224с.
4. Морозов А.Д. Резонансы, циклы и хаос в квазиконсервативных системах. М. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2005. 420с.

DISASTER OF A GRAVITATIONALLY BOUND SYSTEM OF BODIES RESULTING FROM THE CONTACT WITH A MASSIVE GRAVITATIONAL CENTRE

© 2013

V.N. Aniskin, candidate of pedagogical sciences, associate professor, professor of the department of «Information and Communication Technologies in Education» *Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)*

L.V. Zhukov, doctor of pedagogical sciences, professor of the department «Theoretical physics and astronomy» of the Faculty of Physics

N.A. Vasiliev, candidate of physico- mathematical sciences, professor of the department of «Theoretical physics and astronomy» of the Faculty of Physics

I.S. Kosova, candidate of pedagogical sciences, assistant professor of the department of «Algebra» of the Faculty of Mathematics

I.V. Ryzhov, candidate of physico- mathematical sciences, professor of the department «Theoretical Physics and Astronomy» of the Faculty of Physics *Russian State Pedagogical University A.I.Gertsen, St. Petersburg (Russia)*

Annotation: The article explores a model of the destructive force of the tidal influences exerted by the gravitational field of a massive gravitating center on the movement of two bodies, bound gravitationally.

Keywords: accidents in space, crushing of comet kernels, disintegration of comet kernels, accident of the gravitationally bound system of bodies, the gravitational field of a massive gravitating center.

УДК 81.33

ЛИНГВОКОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ЛАКУНЫ: ИНТРАКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

©2013

E.B. Савицкая, аспирант кафедры «Английской филологии и межкультурной коммуникации» *Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)*

Аннотация: статья посвящена выяснению сущности лингвоконцептуальных лакун в интракультурном аспекте. Выдвигаются аргументы в пользу того, что можно, а что нецелесообразно считать лингвоконцептуальными лакунами. Рассматриваются различия между квази- и собственно лингвоконцептуальными лакунами. Приводится шкала аппроксимации концептов к лингвоконцептосфере.

Ключевые слова: лингвоконцептосфера, лакуна, квази-лакуна, лакунарный концепт.

В интеркультурном аспекте проблема лингвоконцептуальных лакун представлена в ряде трудов: Сорокин [1], Марковина [2], Данильченко [3], Рум [4], Grodzki [5], Schröder [6], Anokhina [7] и др. В дополнение к этому рассмотрим интракультурный аспект явления. Но прежде кратко определим исходные позиции.

За годы развития лингвокультурологии в ней выработалось многогранное представление о сущности лингвокультурных концептов. Предложен ряд определений этого явления. Не вдаваясь в детальный анализ проблемы, сошлемся лишь на его самое общепринятое понимание, из которого мы исходим при рассмотрении вопроса о лингвоконцептуальных лакунах.

Под **культурным** концептом понимается «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [8, с. 5]; «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны» [9, с. 71]; «ментальная единица с доминирующим ценностным элементом» [10, с. 76]. На культурный характер концепта указывает слово *ценностный*: ведь система ценностей народа составляет ядро этнокультуры.

Под **лингвокультурным** концептом понимается «единица коллективного и индивидуального знания,

культурно маркированная и имеющая языковое выражение» [11, с. 51]. Лингвокультурные концепты исследуются не только в рамках лингвокультурологии, но и в рамках лингвокогнитивистики (в этом случае ряд языковедов предпочитает говорить не о лингвокультурных, а о лингвокогнитивных концептах). Эта сторона концепта подчеркнута в его дефиниции: «ментальное образование, являющееся базовой единицей ментального кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат *познавательной (когнитивной)* деятельности личности и общества» [12, с. 24].

Все три стороны лингвокультурного концепта – ценностная, понятийная и образная – изучаются во взаимосвязи в русле разных научных дисциплин, но ценностная в большей мере относится к ведению лингвокультурологии, понятийная – к компетенции лингвокогнитивистики, а образная сторона составляет предмет лингвопсихологии (если речь идет о *психическом* образе как отражении объекта в сознании) и языкознания (в тех случаях, когда речь заходит о *лингвистическом* образе, который понимается как «созданное средствами языка двуплановое изображение, основанное на выражении одного предмета через другой» [13, с. 41]).

Следуя фундаментальной идее акад. Д.С.Лихачева

[14], С.Г. Воркачев отметил: «Совокупность концептов, характерных для той или иной нации, составляет национальную концептосферу, отличную от концептосферы других национальностей» [11, с.51]. Соответственно, совокупность лингвокультурных концептов составляет национальную лингвоконцептосферу.

Лингвокультурный концепт не тождествен значению языкового знака или группы знаков. Концепт «рассеян в языковых знаках, его объективирующих» [15, с. 9] и активирующих его в сознании коммуникантов. В значении языкового знака зафиксирован всего лишь минимум содержания концепта, служащий его репрезентатором, а полное содержание концепта, «несущее комплексную энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [16, с. 258], локализован не в семантической системе языка, а в когнитивно-ценностном пространстве личности и культурно-языкового коллектива.

До сих пор не создан полный «инвентарь» состава лингвоконцептосферы какого-либо народа, позволяющий построить исчерпывающую матрицу концептов, в которой обнаружались бы лакуны. Это обусловлено не недоработками ученых, а объемом и сложностью концептосферы, а также объективными трудностями в выявлении концептов; концепт не имеет жесткой привязки к какой-либо одной языковой единице, а потому критерии выделения концептов размыты. Концепты скорее постулируются, чем выявляются; при этом неизбежны разногласия и некоторый субъективизм при установлении их соотношения друг с другом. Границы ячеек в лингвоконцептосфере зыбки. Это затрудняет выявление в ней лакун.

По словам А.Вежбицкой, концепт представляет собой «объект из мира «Идеальное»» [17, с. 75] – единицу плана содержания, а не плана выражения. Поэтому концептуальная лакуна представляет собой не отсутствие языкового десигнатора для того или иного концепта, а отсутствие самого концепта в лингвоконцептосфере.

Более или менее достоверно лакуны могут устанавливаться лишь в структуре отдельных лингвоконцептуальных парадигм, то есть полей, из которых состоит лингвоконцептосфера народа. В нашей статье речь идет о лакунах именно в этих полях.

Вначале выясним, что **не** является лингвоконцептуальной лакуной. Если в лингвоконцептосфере А есть концепт *x*, а в лингвоконцептосфере В его нет, это не обязательно означает, что в лингвоконцептосфере В на данном участке есть лакуна и что эта лакуна порождена наличием концепта *x* в лингвоконцептосфере А.

Если же в лингвоконцептосфере В на данном участке всё-таки имеется лакуна, это означает, что концепта *x* не просто нет; он **отсутствует**, а значит, он является частью данной, а не чужой системы. (Строго говоря, отсутствовать может только нечто свое, а чужое не отсутствует; его просто нет). Такой концепт отсутствует в реале, но присутствует в виртуале лингвоконцептосферы. Именно такой концепт, на наш взгляд, может по праву называться лакунарным, а его отсутствие в лингвоконцептосфере может называться лингвоконцептуальной лакуной. Приведем примеры в пользу этой трактовки.

В советской лингвокультуре существовал концепт ‘проработка’ (см. о нем: [18, с. 279 – 281]). Проработка провинившегося человека на комсомольском / партийном собрании или на собрании производственного коллектива была ритуалом, органично вписывавшимся в структуру тоталитарного социума и составлявшим его неотъемлемую часть. Концепт ‘проработка’ заключал в себе весь сценарий этого ритуала.

Проработка была одной из форм утверждения абсолютного контроля массы над личностью. Маяковский писал: «Единица – вздор, / единица – ноль (...) А если / в партию / сгрудились малые – / сдайся, враг, / замри / Самарский научный вестник. 2013. № 4(5)

и ляг! / Партия – / рука миллионопалая, / сжатая / в один / громящий кулак» (поэма «Владимир Ильич Ленин»). Аналогично, лозунгом Третьего Рейха был: «Ты – ничто, твой народ – всё». Это была квинтэссенция тоталитарного мышления, сводившего личность к нулю.

Английской лингвокультуре упомянутая идея чужда, потому что она не вписывается в структуру либерально-демократического социума. В романе «Война в воздухе» Г.Уэллс в качестве противовеса германскому и прочему тоталитарному складу мышления назвал именно британский менталитет, один из главных источников европейского и мирового свободомыслия, индивидуализма и идеала прав личности. В британском социуме нет места проработке. Соответственно, в английской лингвоконцептосфере нет места (ячейки) для концепта ‘проработка’, а раз так, то нет и лакун. ‘Проработка’ – не лакунарный, а **чужеродный** концепт для английской лингвоконцептосферы.

В этой связи может возникнуть возражение: англичане примерно знают, что такое проработка и многие другие инокультурные реалии. Это значит, что в их сознании есть соответствующие представления об инокультурных концептах. А раз так – значит, всё это входит в их актуальную культуру. Как же можно говорить, что это чужеродные для них концепты?

Дело, однако, в том, что не всякое коллективное представление есть концепт. Англичане и в самом деле знают множество инокультурных реалий, но всё это – модели **чужих** для них культур, а не элементы их собственной культуры. Знать о существовании чужих концептов – еще не значит аккультурировать их, то есть включить в свою концептосферу, сделать их своими, мыслить ими, разделять содержащиеся в них оценки и установки, переживать их душой, исходить из них в своей ментальной деятельности и внешнем поведении.

‘Prorabotka’, ‘agitprop’, ‘samizdat’, ‘apparatchik’, ‘partnomenclatura’ (примеры с интернет-страницы лингвиста из Сизтла Anu Garg) – это не только не концепты британской или американской лингвокультуры, но и не слова английского языка, а всего лишь транслитерации русских слов; их дефиниции дают англичанам и американцам лишь поверхностные представления о соответствующих явлениях советского периода в жизни нашей страны, которые далеко не «дотягивают» до концептов. Они не входят ни в английскую концептосферу, ни в лексический фонд английского языка, и вакантных ячеек для них ни здесь, ни там нет, потому что нет самого лингвосоциокультурного сценария, предусматривающего наличие этих ячеек. Поэтому, согласно нашей трактовке, они не могут считаться лакунарными. И сам по себе факт их существования в советской лингвоконцептосфере не образует эти ячейки в англоязычных лингвоконцептосферах.

Как упоминалось выше, коллективное представление о чужом концепте – это еще не концепт в данной лингвокультуре. Но, впрочем, некоторые чужие концепты усваиваются культурой (аккультурируются), как, например, усвоился англоязычными культурами концепт испанского происхождения ‘macho’, приобретающий на англосаксонской почве новые черты, не свойственные ему в его исходном виде, и став полноправным элементом в составе англосаксонских лингвоконцептосфер. Следовательно, он для них не лакунарен.

Таким образом, неаккультурированные концепты не лакунаренны потому, что они в данную культуру ни виртуально, ни реально не входят, а аккультурированные концепты не лакунаренны потому, что они в нее не виртуально, а реально входят.

Что касается лакунарного концепта, он не входит в данную культуру реально, но входит в нее виртуально. При этом в лингвоконцептосфере имеется ячейка для него.

Когда в антиутопии Дж. Оруэлла «1984» тоталитарные правители внедряли в сознание английского народа

так называемый Newspeak (в рус. переводе новояз), они при этом не опустошили концептуальные ячейки, создавая лакуны; они искореняли и сами ячейки, превращая богатую английскую лингвокультуру в примитивную систему, в которой не было места ничему иносистемному. Это доказывается тем, что люди, думавшие и говорившие на новоязе, были не в состоянии помыслить ничего, выходящего за рамки этой системы. В результате формировалась не сложная система с частично стертой памятью (которую можно восстановить исходя из общего устройства системы), а простая система, из устройства которой нельзя восстановить практически ничего от прежней системы. В этой «урезанной» концептосфере не было лакун. Она была самодостаточна в своем примитивизме, претендующем на охват всего универсума.

Установив, что не является лакунарными концептами, определим далее, что, согласно нашей трактовке, имеет основание называться этим термином.

Прежде всего следует отметить, что структура системы определяется ее собственным элементным составом, а не составом какой-либо другой, произвольно взятой системы / систем. Необходимо, однако, оговориться, что качественная определенность системы в ряде случаев устанавливается не только позитивно, но и негативно. Если в системе чего-то нет, иногда это обстоятельство способствует ее идентификации. Это подобно деятельности скульптора: высекая статую, скульптор резцом удаляет всё лишнее, создавая конфигурацию статуи. Но ведь по отношению к статуе «лишнее» – это весь остальной мир. Аналогично, по М.В.Никитину [19], отрицательный импликационал – это всё то содержание, которое выходит за рамки данного значения как конфигурации (пучка) признаков. Нецелесообразно трактовать все признаки, которых у объекта нет, как лакуны в объекте: ведь тогда получится, что в его структуре имеется необозримо огромное число пустых ячеек (лакун). Для того, чтобы установить качественную определенность объекта, проще перечислить *имеющиеся* у него признаки.

Но в особых случаях в дефиницию объекта всё же включается отсутствие того или иного признака. Проведем параллели из материально-предметного мира. Английское слово snake (змея) определяется в Кратком Оксфордском толковом словаре как ‘scaly limbless reptile’ (чешуйчатая безногая рептилия), а слово stool (табуретка) – как ‘movable backless seat’ (предмет мебели для сидения, передвижной, без спинки). Это бывает тогда, когда в рамках рода наличие данного признака является нормой (у большинства рептилий есть ноги, а у большинства предметов мебели для сидения – спинка). Отсутствие **такого** признака на уровне вида на фоне его наличия на уровне рода качественно очерчивает объект резче, чем отсутствие других признаков. Это уже похоже на лакуну. Отсутствие ног – это своего рода «лакуна» в теле змеи, а отсутствие спинки – «лакуна» в конструкции табуретки.

Но, на наш взгляд, это не значит, что здесь мы переходим от эндо- к экзотрактовке лакун. В данном случае мы просто переходим на более высокий уровень абстракции. Ведь отсутствие ног у змей отмечается не на фоне другого вида рептилий – скажем, крокодилов – а на фоне рода ‘рептилия’. В видовую структуру родовая структура вписана в виде абстрактного контура. Всякий представитель вида есть одновременно представитель рода. Всякая змея есть рептилия, а всякая табуретка есть предмет мебели для сидения. По отношению к виду род выступает как гиперсистема, на фоне которой отмечается наличие лакун в гипосистеме. В подобных случаях отсутствие признака обращает на себя внимание, бросается в глаза. Принадлежность вида объектов к роду приводит к тому, что в структуре вида имеется более или менее подходящая ячейка для родового признака, хотя самого признака нет.

Спинка так и просится к табуретке; что касается

змеи, конструкция ее тела не очень совместима с ногами, хотя у предков змеи ноги были. Как видим, ячейки в системе совместимы с потенциальными вставками в разной степени.

С этой точки зрения в лингвоконцептосфере можно, на наш взгляд, констатировать наличие **квази-лакун**. Они должны устанавливаться не на фоне произвольно выбранных других лингвокультур, а на фоне данного **рода** лингвокультур, в рамках которого отсутствие какого-либо концепта более или менее ненормативно и потому маркировано. Приведем пример.

Британо-английская лингвоконцептосфера (вид) является англосаксонской (род). Пустая ячейка, устанавливаемая в видовой структуре на фоне родовой структуры, представляет собой квази-лакуну. Так, в рамках культурного стандарта англосферы семантическая единица ‘снег’ является концептом (это показано в трудах, посвященных концептуальным полям ‘Времена года’, ‘Явления природы’ и т.п.: [20], [21] и др.). Как известно, концептом считается не всякое коллективное представление о том или ином объекте, а лишь высокозначимое в данной лингвокультуре [22]. Большая часть англосферы расположена в географических широтах, достаточно северных, чтобы снег был значим в жизни людей, ее населяющих; поэтому образ снега занимает прочное место в их лингвокультурах. Чтобы судить о том, является ли рассматриваемый образ концептом в данной лингвокультуре, «надо исследовать весь языковой корпус, в котором [он] репрезентирован ... (лексические единицы, фразеологию, паремиологический фонд» [15, с. 9]. Образ снега широко представлен в англоязычных паремиях, идиомах, фольклорных формах, символизируя те или иные явления бытия (snows of yester-year ‘прошлогодний снег – дела давно минувших дней’, the snows of age ‘снега старости – седины’, to be snowed under ‘быть заваленным снегом – быть загруженным какими-либо делами’ и мн. др.).

Но в Австралии – одной из стран англосферы – снег далеко не столь значим в жизни людей: он выпадает в основном в горах и держится два-три месяца в году [23]. В то же время снег там не настолько редкостен, чтобы стать символом чего-то диковинного и необычайного. В целом он воспринимается австралийцами как известное, но маргинальное явление, не оказывающее существенного влияния на жизнь населения.

В составе идиом, паремий, фольклорных форм и т.п., специфичных для австралийского варианта английского языка, весьма мало представлено слово snow (снег). На наш взгляд, это говорит о том, что ‘снег’, будучи концептом в составе общей англосаксонской лингвоконцептосферы, не входит в ту ее часть, которая является собственно австралийской. Его отсутствие в австралийской лингвоконцептосфере на фоне его наличия в общей англосаксонской лингвоконцептосфере мы называем квази-лакуной, а сам концепт – квази-лакунарным в австралийской части англосаксонской лингвоконцептосферы.

В таком случае, что представляет собой собственно лакунарный концепт? Образно говоря, это **своя** затычка для дырки в концептосфере, притертая пробка, изготовленная для данного флакона, но утерянная. Это концепт отсутствующий, но имманентный данной лингвокультуре, виртуально присущий ей, но реально не используемый (подобно языковым формам типа рус. *мечт или англ. *amn’t). Его надо устанавливать не на фоне рода лингвокультур, а **внутри** данной лингвокультуры.

Собственно лакунарный концепт – это (теоретически) такой концепт, наличие которого предусмотрено данной лингвокультурой и для которого имеется ячейка в данной лингвоконцептосфере, но который по той или иной причине там отсутствует. Практически же не так-то легко представить, что это за концепт.

Возможно, это табуированный концепт, вроде концепта ‘культурная революция’ в современном Китае?

Это напоминает остроумный ответ гренадера на вопрос Суворова, что есть ретирада. Хотя Суворов терпеть не мог «не-могу-знаек», этот гренадер в ответ гаркнул: «Не могу знать, Ваше сиятельство! Суворовский солдат ретирады не знает!», чем заслужил похвалу полководца. Так поступают и нынешние лояльные правительству китайцы: они делают вид, что знать не знают никакой культурной революции, и помалкивают о ней. Ср. французский девиз: Impossible n'est pas un mot français ('Невозможно – слово не французское').

Но в этом случае табуируется скорее словесное название, чем концепт. Он всё же существует в массовом сознании, хотя и не называется вслух; впрочем, он может пониматься эвфемистически. Его лакунарность спорна.

Тогда, возможно, лакунарный концепт – это такой концепт, который вытеснен в коллективное бессознательное, как файл в «корзину»? Отсутствуя в массовом сознании, он из сферы бессознательного подспудно воздействует на психическую деятельность людей. В коллективном сознании существует ячейка для него, имеющая определенную конфигурацию и потому сама по себе в некоторой мере влияющая на строение концептосферы (как дырка от выпавшего кусочка мозаики). Такой концепт можно восстановить в сознании (как бы извлечь файл из «корзины»). Таким образом, согласно данной трактовке, лакунарный концепт – это такой концепт, который вытеснен в коллективное бессознательное.

Интересный в этом отношении пример можно найти у З.Фрейда [24]. По его версии, первобытная память о коллективном убийстве взрослыми сыновьями отца / вождя с целью получить доступ к его гарему табуирована и вытеснена сообществом в бессознательную сферу из-за мучительности этого воспоминания, вызывающего комплекс вины. Но, будучи «пробелом» в памяти культуры, эта идея, согласно Фрейду, остается ее краеугольным камнем (культурным геном), определяя характер половой морали и вызывая коллективный Эдипов комплекс (в классическом психоанализе культура – «невроз человечества»). Культурные гены передаются в поколениях с помощью скрытого негенетического механизма культурного наследования. Вытесненные концепты подспудно содержатся в культуре (а именно в коллективном бессознательном), хотя в обыденном языке они безымянны и открыто не фигурируют в дискурсе (за исключением психоаналитического). Пожалуй, есть основания считать такие концепты лакунарными.

Впрочем, «концепты, забытые культурой», можно трактовать и проще – как концепты, когда-то входившие в культуру, а ныне устаревшие и ушедшие из коллективной памяти из-за исторических перемен, но оставившие след (ячейку) в лингвоконцептосфере. Так, в праславянской лингвокультуре были языческие концепты “явь / навь”, отражавшие специфические представления предков об этом и том свете; они и донныне смутно ощущаются в семантике слов *явь* (то, что существует реально, а не снится / мерещится), *явний*, *наяву*, *явление* кому-то (т.е. приход из потустороннего мира: «И шестикрылый серафим // На перепутье мне явился»); *наваждение*, (диал.) *нава* / *навка* (русалка, т.е. существо из иного мира: ср. *навьи чары* у К.Д.Бальмонта); (древнеславян.) *Твастырь* (Создатель мира, санскр. *Tvastar*), *тварь* (то, что создано). Они и донныне ощущаются в словах *творец*, *тварь*, филос. *тварный* (сотворенный) мир, *творить*, (со-)творение и т.п. *Мара* (вероятно, связ. с лат. *mors* ‘смерть’ / *morī* ‘умереть’) – языческая богиня сна и смерти; ср. соврем. рус. *кемарить* ‘спать, дремать’, кого-либо *смогил* сон, *умориться* ‘устать (и ощутить сонливость)’, *морок*, *обморок*, *морочить*, *марево* и др. И.Северянин употребил слово *марево* как окказиональное наречие: «По аллее олу́ненной вы проходите *марево*» (т.е. «призрачно, как мираж»).

Эта трактовка согласуется с трактовкой тех языковых лакун, которые возникли вследствие забвения словоформ. Каковы, например, формы множ. числа у

русского слова *дно*? Опрос показал, что большинство современных носителей русского языка этих форм не знает. А в старину слово *дно* (от древнерус. *дъно*) имело всем известные формы *дѡнья*, *дѡньев* и т.д. Ср. *донный*, *Дон*, *Дунай* (нем. *Donau*) и др. Корень **дон* (индоевр. ‘вода’) может быть восстановлен по аналогии с ними; [о] в слабой позиции редуцировался до [ъ] (*звон* → *звено*) и до нуля (**дон* → *дъно* → *дно*). Флексии множ. числа восстанавливаются по аналогии с *колья* – *кольев* и т.д. Каким-то аналогичным способом можно, вероятно, восстанавливать и забытые концепты.

А возможно, лакунарный концепт – это «потенциальный» концепт, который может быть дедуцирован из других, как вывод из посылок умозаключения, но до которого пока не додумались? На наш взгляд, это тоже допустимая трактовка лакунарного концепта.

Итак, лакунарные концепты могут пониматься как: а) табуированные; б) вытесненные; в) утраченные; г) потенциальные.

Всё упомянутое выше позволяет наметить шкалу аппроксимации концептов к концептосфере: отсутствуя в лингвокультуре реально, присутствует в ней виртуально. Мы показали, что в качестве виртуала лингвокультуры, содержащего лакунарные концепты, могут рассматриваться следующие домены: а) «зона молчания» (запретная часть лингвокультуры); б) коллективное бессознательное; в) историческая память лингвокультуры; г) духовный потенциал лингвокультуры.

Всё сказанное выше позволяет наметить шкалу аппроксимации концептов к концептосфере:

экзосферные → квази-лакунарные → лакунарные → эндосферные

Границы между делениями размыты, возможно движение по шкале и возникновение промежуточных единиц; поэтому делений может быть больше.

Планету концептосферы окружает космос внешних концептов. Одни от нее далеки и независимы, другие, втянутые в ее «гравитационное поле», – ближе, третьи – совсем рядом, а четвертые притягиваются планетой, падают на нее и становятся ее частью. Это своего рода кольцо Сатурна.

Если расположить лингвосоциокультуры на шкале авторитарности – либеральности, мы увидим: чем лингвосоциокультура авторитарнее, тем выше жесткость и закрытость системы («закрытое общество»); и наоборот, чем социокультура либеральнее, тем более рыхла и открыта система («открытое общество»).

Вероятно, это связано с отношением идеологии к действительности. Если система лжива, то вторжения извне подтачивают ее подобно тому, как солнечный свет губит войлока. Поэтому она замыкается в грубу своей сингулярности, образуя изолят; его трудно подточить изнутри из-за его внутренней непротиворечивости и догматической цельности. Это система персистентная. Если же лингвосоциокультура не боится истины, она открыта для внешних влияний. Это развивающаяся система, хотя это скорее идеальный, чем реальный случай: даже в лингвосоциокультуре США, с ее хваленой открытостью, имеются «зоны молчания» и «зоны лжи». И всё-таки либеральная лингвосоциокультура, с ее толерантностью и плюрализмом, легче вбирает в себя внешние концепты и делает их своей частью вследствие нежесткости структуры. В полностью собранной пазл не удастся вставить что-то еще – ведь пустых ячеек в нем уже нет. Попытка «втиснуть» в него еще один элемент разрушит пазл на данном участке. А шмат сала можно шпиговать дольками чеснока – он их примет, и от этого качество продукта только повысится.

Приведем пример. Советская официальная культура с ее репрессивной половой моралью не допускала в свой состав «Кама-сутру», а западные перmissive культуры в XX веке охотно вобрали ее в себя. Надо полагать, в либеральных лингвосоциокультурах квази-лакуны – «дырки с эластичными краями» – ближе к собственно лакунам, чем в авторитарных лингвосоциокультурах.

Во избежание недоразумений в сопоставительной концептологии лучше говорить о чужеродных, иносистемных, внесистемных и т.п. концептах. Но если всё же использовать термин *лакунарный концепт*, следует обосновать такую необходимость и четко объяснить, что имеется в виду.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сорокин Ю.А. Опыт систематизации лингвистических и культурологических лакун: методологические и методические аспекты // Лексические единицы и организация структуры литературного текста: Сб. науч. тр. Калинин: изд-во Калининского гос. университета, 1983. С. 35 – 52.
2. Марковина И.Ю. Метод установления лакун в исследовании этнопсихолингвистической специфики культур // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 58 – 63.
3. Данильченко Т.Ю. Лакуны: философский и теоретико-культурный аспекты. Дис. ... докт. филос. наук. Краснодар, 2010. 420 с.
4. Pym A. Lacunae and Uncertain Limits in Australian Culture, with Suggestions on Their Translation into Spanish// K.Firth, S.Ballyn (eds). Australia in Barcelona. Barcelona: Universitat de Barcelona, 1993. P. 27 – 37.
5. Grodzki E.M. Using Lacuna Theory to Detect Cultural Differences. Frankfurt am Main: Peter Lang Publishing, 2003.
6. Schröder H. Lacunae and the Covert Problems of Understanding Texts from Foreign Cultures // H.Schröder et al. (eds). Lacunology – Studies in Intercultural Communication. Vaasa: Vaasan Yliopiston Julkaisuja, 1995. P. 10 – 25.
7. Anokhina T. The Linguistic Lacunicon: Cognitive Mapping in Schemes and Terms // The Journal of Education, Culture and Society. No. 1. 2013. P. 166 – 172.
8. Степанов Ю.С. Семиотика. М.: Наука, 1971. 168 с.
9. Карасик В.И. Этноспецифические концепты // Введение в когнитивную лингвистику / под ред. М.В.Пименовой. Кемерово: Графика, 2004. С.84 – 93.
10. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный

концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. Воронеж: изд-во Воронежского гос. ун-та, 2001. С. 75 – 81.

11. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.
12. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2006. 226 с.
13. Коралова Л.А. Семантическая природа образных средств языка. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1975. 172 с.
14. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 1.
15. Пименова М.В. (ред.). Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово: Графика, 2010. 146 с.
16. Стернин И.А. Типы и концепты // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. Тамбов: изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2005. С. 257 – 282.
17. Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца XX в.: Сб. науч. тр. М.: 1995. С. 71 – 114.
18. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
19. Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). М.: Высшая школа, 1983. 127 с.
20. Тарасова И.А., Семейн Л.Ю. Концепт 'зимняя непогода' как маркер национального сознания // Язык и национальное сознание: Сб. науч. тр. Вып. 4. Воронеж: Истоки, 2003. С. 173 – 184.
21. Салашник Т.В. Национально-культурная специфика концептов времен года (на материале русского и английского языков). Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. 221 с.
22. Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. № 2 (4). 2002. С. 6 – 34.
23. Деркунская С.И. Страны и народы мира. Австралия и Океания. М.: Мир книги, 2009. 70 с.
24. Фрейд З. Фрейд З. Тотем и табу. СПб.: Азбука-классика, 2005. 256 с.

LINGUOCONCEPTUAL LACUNAE: THE INTRACULTURAL ASPECT

©2013

E.V. Savitskaia, post-graduate student of the department
of «English Philology and Cross-Cultural Communication»
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

Annotation: The article is devoted to ascertaining the essence of linguoconceptual lacunae in the intracultural aspect. The author describes the criteria of semantic units' lacunarity and the difference between quasi-lacunae and lacunae proper. Stages of lacunae's approximation to a linguoconceptosphere are shown on a scale.

Keywords: linguoconceptosphere, lacuna, quasi-lacuna, lacunary concept.